

Моченая рябина

- Ты куда сейчас? – спросил телефон.

- К себе, на Волкова.

Но двери автобуса закрылись, и за стеклами в черной раме резины осталась табличка «ул.Волкова».

Юна из автобуса глянула на неё и опустила глаза, почувствовав, что совершила предательство.

- Чего вздыхаешь? – спросил телефон.

Юна потянула шарф влево, вправо, повела вниз воротник, а плечи потянула назад, пальто не растягивалось, не ослабляло сжатия.

- Ничего, мам. Не знаю. (- Не по себе, - сказала мысленно.)

Где-то в затылке стучала тупая боль не боль – тревога.

Причин для беспокойства не было, а беспокойство было.

- Я беспокоюсь за тебя, Юна.

- Я тоже.

Справа, прямо под поручнем, сидела женщина. Эта женщина в бесформенном, объемном, синем, сильно и прямо кашляла, овалом раскрывая рот. Рука её подлетала, но не поднималась до рта.

- Я вечером зайду, не теряй пока, - Юна сбросила вызов. Она долго смотрела на женщину в синем, на ее сухие губы, на два крупных зуба под верхней, потом плавно повернула ровное, никакое лицо к стеклу окна, прерывисто вздохнула.

Многоэтажки сменились за окном графикой частного сектора, затем – струнами юных берёз.

- Мне платят триста за выход и два процента от выручки, куда мне дома сидеть? – слышалось позади, справа, - на что я жить буду...

Стук-стук, ёкнула боль в затылке. Юна «отключилась» от правого уха, сконцентрировалась на левом.

- Я только-только устроилась в этот салон, клиентов наработала, а мне за квартиру платить! На дому стричь?

Юна отключила слух вовсе, берёзы замельтешили в окне вперемешку с елями.

На «Линиях» зашли двое в одноразовых голубых масках (Юна видела, как они подошли к автобусу), проехали две остановки без голосов, без характеров, с одними только глазами за белой простроченной тканевой линией. Кроссовки, джинсы по щиколотку, рост за метр семьдесят у него, и длинные русые волосы из-под кепки, пальто-мешок у кого-то второго. Левая рука первого держала правую руку второго.

А рука Юны крепко держала автобусный поручень, ползала по нему вверх-обратно, оставляла влажные пятна.

Тук-тук попросилась боль в виски и без разрешения вошла.

До загородной остановки «Карьер» из пассажиров доехала только Юна, вышла. За остановкой подняла капюшон и поплыла во всех смыслах: март всюду налил, но за собой не вытер, по-ребячьи смешал с водой песок, глину, землю, травку-муравку и чёрт знает что еще.

За полем вызревшей и отсыревшей польни тянулись ж/д пути. Юна, глядя на короба товарных ржавых вагонов, вытерла мокрые ладони о пальто, подумала о пальто – его цвете, цене, новизне, и шагнула на щебень. Под вагоном пахло углём – кисло-горько, а сразу за вагоном – свободой.

Ветряная волна ходила по жухлой траве кругами, лужи рябили. Юна достала телефон, смахнула с экрана последние новости («Вирус выявлен у солиста Ram...», «Новые случаи вируса в 16 ре...») и сделала фото. Если у нас есть время и силы на фото, у нас всё хорошо.

Облепиха и лох наполнили чашу озера вместо воды. Часть поля пропала под новыми коттеджами справа. А в остальном все было как в детстве, также.

Из-за спины, скорее из-за затылка, вырвалась стая стрижей, устремилась влево, подальше от новых чужих домов.

Из облепихи выбежала серая, как талый снег, кошка и бросилась к домам. Это снег побежал – показалось сначала. Снег и бежал, вниз по дороге, к первым на обрыве избушкам.

Юна нашла рядом с одной - опознавательный куст сирени. Сирень стала больше, дом ниже, Юна бледнее и тоще, всё это случилось лет за десять. Юна толкнула забор двумя руками. Забор сходил туда-сюда, вернулся в исходное положение синхронно со стрижами, ушедшими куда-то за спину. Найти задвижку калитки где-то там, на ощупь, не удавалось. Удалось перелезть поверх. Прыг.

Тук-тук. Кап.

Сначала всё увиделось единым: ржавый замок в петле, выгоревшие мышино-серые доски сарая и дома. Всё на земле тянулось единым полотном: всё было вязанным, стеганным, смешанным. Стебли переходили в прутья, прутья в палки, в стволы, веревки, травинки, остатки. Всё коричневое в рыжее, жёлтое, серое подползало к выгоревшим доскам, голым стволам, скамейкам и переходило в них. А до неба не доставало.

Рыхлый талый снег отошальными псами лежал под лавкой, под яблоней, за крышкой погреба, у двери. В железной ванне под рябиной серая снеговая собака купалась – вытянутый ноздреватый ком плавал в прозрачной воде ни туда, ни сюда, на месте. Под сугробом, на дне, лежали коричневые гнилые ягоды.

Где-то завывало и дуло, но где-то за второй калиткой, в огороде. А где-то здесь стучало. Юна обошла дом и побрела на стук, под паутину кленовых пальцев. И нашла.

Под кленом, по старой раковине стучали капли – скромно и тонко. Они тянулись из-под клапана алюминиевого ручкомойника по тонкой металлической ножке и падали в ржавую проталину на белой эмали. В ручкомойнике плавал кленовый коричневый лист. Клапан держал открытым шарик рябины.

Юна улыбнулась. Вот же оно как! Она потянулась рукой вверх, потом вниз, вниз, опустила её в ледяную настойку на листе и рябине, намочила пальто, намочила рукав рубашки. Рука шла вниз, а влага шла выше, выше по ткани, и где-то между оставался только коричневый лист, прижимавшийся к алюминиевому стакану, к стенке. Когда рука потянулась обратно, лист снова лёг на воду.

Ягода осталась у Юны в пальцах. Но ручкомойник продолжил сочиться, тоньше и робче, ножка клапана все также поблескивала и выдавала провал.

Юна оглянулась на дом. Из сарая шевелил усами диван. Усы были соломенные, они неряшливо торчали по всему его лицу, старому, порванному, клетчатому. Юна вспомнила, как боялась прижиматься к нему холодными дачными ночами – диван шуршал, пах сыростью и был не из тех, к кому хочется прижиматься.

Мокрая солома внутри была тяжелой, вытаскивали диван в сарай из дальней комнаты в четыре руки, хотели сжечь, но дали слабину.

Юна долго не решалась зайти, смотрела издалека. Тук-кап.

Чердачное окно сарая свистело целлофаном. Когда-то на чердаке пахло луком и помидорами – теперь явно не пахнет.

Юна зашла через сарай в дом (обошла диван, коснувшись его подлокотника бедром). Боясь найти личные вещи умершего деда, она нашла алюминиевую круглую крышку. Круглая ручка из твердой пластмассы на ней вертелась в пальцах.

Юна подняла клапан. Выпустила воду. Опустила крышку на ручкомойник. Клён скинул поверх тонкий сухой палец.

И стук стих. И стало спокойнее.

Теперь никакого желе из ягод ирги в формочках.

Никакой картошки с тушенкой в кастрюле на печке из десяти кирпичей.

Никакого сладкого молодого горошка,

малины с клопами,

стола, в который упираются коленки,

соснового запаха чердачной лестницы,

старых газет и сквозняка в уличном туалете за помидорами,

панамки и старых кроссовок-водолазов...

- И ни вод, ни воздуха, не укрыться...

Юна перелезла через забор, подхватила у кадыка сухими ладонями воротник пальто.

А моченая рябина оказалась на вкус как ничто.